

Copyright © 2022 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1744-1752
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1744

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Organization of Children's Asylums in Penitentiary Institutions of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries (Case Study of Krasnoyarsk Asylum for Prisoners' Children)

Pavel V. Lapo ^{a, *}, Tatiana A. Kattsina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Children's asylums played an important role in the organization of social assistance to convicts and their families in the second half of the 19th and early 20th centuries. By the mid-1880s, the vast majority of such institutions were located in the European part of Russia. At the same time, in the territory of Siberia, the possibilities for placing and educating the children of prisoners outside prisons were extremely limited. That is why the opening, in 1886, at the initiative of the Krasnoyarsk provincial prison committee, of an asylum for prisoners' children within the local prison castle was an important event for the region. Based on an analysis of extensive archival data, the author reconstructs a picture of the life and activities of the asylum. One by one the issues of management, relations with city and provincial authorities, organization of children admission, educational and upbringing process, and leisure time of the asylum inmates are examined in detail. A special place within the study is taken by the problem of financing the orphanage. Statistical data allows one to speak about the gradual increase of its welfare from 7 thousand rubles in 1886 to 24 thousand rubles in 1915. But its resources remained rather modest, especially compared to, e.g., the T.I. Shegoleva Orphanage, which had a charter capital of 50,000 rubles. Despite this, the orphanage performed its functions in full, taking in about a hundred children a year. As a result, it played an important role in the organization of social assistance in the penitentiary institutions of Siberia in the pre-revolutionary period.

Keywords: Krasnoyarsk Asylum for Prisoners' Children, Krasnoyarsk prison, orphanage, children of prisoners, social assistance, Enisey province.

1. Введение

Изучение приюта для арестантских детей в Красноярске необходимо начать с периода 1850-х гг., к которому относятся первые сохранившиеся отчеты о состоянии дел в Красноярском тюремном замке. Данные документы свидетельствуют о плачевном состоянии зданий тюрьмы. В отчетах Красноярского губернского тюремного комитета Попечительного о тюрьмах общества (далее – КТК) за 1857 и 1859 гг. сообщалось, что помещения для содержания арестантов находились в ветхом состоянии (ГАРФ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 441. Л. 3; Д. 458. Л. 1). Подобное положение дел сохранялось и в последующие годы, что было типично для сибирских тюрем в целом (Гернет, 1961: 10, 372-374). В особенно плачевном состоянии находилась красноярская пересыльная тюрьма. Ремонт, проведенный в период 1861–1866 гг., лишь ненадолго улучшил ее состояние (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 36. Л. 56-57, 141; Д. 61. Л. 1-4, 7-8; Д. 585. Л. 1). К началу же 1880-х гг. требовался новый ремонт (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37А. Л. 15-18; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 36. Л. 183-184), который, впрочем, не предусматривал постройку отдельного здания для арестантских детей (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 36. Л. 83-85). Он завершился в 1885 г. постройкой трех новых барачков вместо запланированных шести, так как первоначальная смета была урезана вдвое (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 36. Л. 210). Таким образом, проблема размещения детей арестантов в подходящих для них условиях, несмотря на все усилия

* Corresponding author

E-mail addresses: plapo@sfu-kras.ru (P.V. Lapo)

губернского правления, по-прежнему сохранялась. Вероятно, именно поэтому в 1885 г. им было принято решение об открытии приюта для арестантских детей.

2. Материалы и методы

Характеристика деятельности Красноярского приюта для арестантских детей дана с опорой на делопроизводственные документы архивного характера (фонды: 32 – «Енисейский губернский комитет попечительного общества о тюрьмах», 884 – «Енисейская губернская тюремная инспекция», 16 – «Горный исправник Красноярско-Канского гор. округа полицейского управления» Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация); 122 – «Главное тюремное управление при Министерстве юстиции», 123 – «Общество попечительское о тюрьмах Министерства юстиции» Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и материалы Главного тюремного управления при Министерстве юстиции Российской империи (Российская государственная библиотека, Москва, Российская Федерация).

Исследование строилось на основных принципах научно-исторического познания – объективности, историзме, комплексности. Для решения поставленных задач в нем применялись общенаучные (анализ, синтез, системный, экстраполяция, умозаключение по аналогии) и частнонаучные методы (исторический, диахронное сравнение, статистический, формально-юридический). Исторический метод использовался для построения общей структуры исследования и организации взаимного расположения ее отдельных частей в хронологическом порядке. Диахронное сравнение позволило охарактеризовать деятельность приюта в разные годы его существования. Формально-правовой метод применялся для анализа официальной документации, благодаря чему была выявлена высокая степень вовлеченности местных и губернских органов власти в деятельность приюта. На основе статистического метода была охарактеризована динамика изменений финансирования приюта в период с 1889 по 1915 гг. Экстраполяция и умозаключение по аналогии применялись для устранения пробелов в архивных данных.

3. Обсуждение

Заведения общественного призрения для детей арестантов стали привлекать внимание отечественных исследователей только в конце XIX в., хотя собственно система приютов, как и законодательная база, на которой строилась ее работа, были достаточно обширны ([Обзор..., 1889](#)). Первые значимые работы в этой области относятся к рубежу 1890–1900 гг. ([Детские приюты, 1889](#); [Яблоков, 1901](#)). В них довольно подробно описывались организация и деятельность конкретных приютов, в основном расположенных в европейской части России. Особое внимание уделялось вопросам трудового обучения и духовно-нравственного воспитания детей. После революции данная тема утратила актуальность и потому не вызывала значительного интереса. Так, фундаментальный труд о царской тюрьме М.Н. Гернета ([Гернет, 1961](#); [Гернет, 1962](#)), в основном написанный в период 1910-х гг. и дополненный уже в советское время, не содержит о приютах для арестантских детей практически никаких сведений. Аналогичным образом внимание этому вопросу не было уделено и в пятитомной «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» ([История Сибири..., 1968](#)). В начале 1990-х г. с повышением актуальности проблемы призрения несовершеннолетних некоторые исследователи обратили внимание на опыт имперского периода. Ввиду узости тематики она зачастую находит отражение в работах общего характера ([Мешалкин, 1995](#); [Власов, 2001](#); [Асочаков, Катцина, 2004](#); [Бибикова, 2004](#); [Катцина, 2018](#)). Вместе с тем отдельные ученые уделяют внимание вопросам организационно-правовой, педагогической и воспитательной деятельности приютов, существовавших при различных пенитенциарных учреждениях ([Колокольникова и др., 2014](#); [Казаченок, 2018](#); [Казаченок, 2020](#); [Карчаева, Малафеев, 2020](#); [Катцина, 2020](#)). Однако значительные массивы данных в центральных и региональных архивах остаются практически не изученными, поэтому рассматриваемая тема, безусловно, требует дальнейшего исследования.

4. Результаты

Официальной датой учреждения приюта следует считать 10 января 1886 г.: именно в этот день Министерством юстиции был утвержден устав нового заведения, открытого при КТК ([ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6](#)). Документ включал семнадцать статей, посвященных вопросам организации деятельности приюта. Согласно §1, цель создания приюта состояла в том, «чтобы не допускать помещения в арестантских камерах тюрьмы вместе с родителями детей арестуемых и тем самым удалить их от вредного влияния арестантской среды и вместе с тем приучить их к труду, обучить грамоте, ремеслам и вообще подготовить их к честной трудовой жизни, влияя на нравственное их развитие и борясь с привычками их к прежней жизни, поскольку последние являются порочными» ([ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6](#)).

Для нужд приюта при Красноярском тюремном замке была определена территория, отделенная от основной части тюрьмы глухой стеной, и возведены жилые и хозяйственные постройки. С юридической точки зрения приют считался частью тюрьмы ([ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 212. Л. 2](#)), хотя на плане тюрьмы не указывался ([ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 203. Л. 5](#)). При этом, как следует из решения

Красноярской городской думы от 13 июня 1891 г., в хозяйственном отношении приют действовал самостоятельно и не мог рассчитывать на покрытие расходов из тюремного бюджета. Так, например, закупку дров он оплачивал из собственных средств (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 212. Л. 12-13).

Здание приюта, построенное уже в 1886 г., представляло собой деревянный дом на каменном фундаменте, крытый железом. В нем располагалось большое количество помещений: три детских спальни, столовая (она же – рекреационный зал), классная комната (здесь также проходили уроки мастерства для девочек), комната смотрительницы, кухня и умывальная. В прихожей за отдельной перегородкой находилась сапожная мастерская. Во дворе приюта были расположены баня и прачечная (в одном шестистенном доме), амбар для сена и соломы и кладовая с подвалом для хранения продуктов. Отдельное место занимал небольшой сад (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14-15).

В правление приюта, согласно §11 Устава, входили попечительница, избиравшаяся из наиболее влиятельных горожанок Красноярска, и два попечителя-директора – «по хозяйственной части» и «по распорядительной части». Их из своего состава избирал Тюремный комитет. В число членов правления традиционно включался также прокурор Красноярского окружного суда (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6).

Почетными попечителями, согласно §5 Устава, состояли иркутский генерал-губернатор и енисейский губернатор (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 1; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6-7). Помимо них, почетными попечителями могли стать лица, сделавшие значительные денежные пожертвования или оказавшие значительные услуги в пользу приюта. Постоянными попечителями становились те, кто одновременно пожертвовал приюту 1000 р. В число попечителей входили также лица, ежегодно делавшие взнос в размере 60 р., но только на период уплаты взноса. При этом в состав правления входили только почетные попечители, все прочие могли лишь вносить предложения, а также получать ежегодные отчеты о состоянии дел приюта.

Общее число попечителей приюта, не считая двух губернаторов, было невелико. Так, согласно отчету о деятельности приюта за 1896 г., почетными попечителями приюта состояли Н.П. Скрынников и В.Н. Сысоев, а постоянными – И.С. Токарева и А.М. Шаранов (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13).

Состав служащих включал, помимо попечительницы, смотрительницу приюта, ее помощницу (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13), учительницу, законоучителя, кухарку, прачку, няньку и дворника. Для преподавания ремесел на содержании приюта находились мастера корзиночного и сапожного дела (1914 г., ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 7).

Организацией приема детей в приют занимался КТК (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 46). Он же рассматривал прошения арестантов и ссыльных, а также давал указания о зачислении детей непосредственно правлению приюта, которое обязано было отчитываться о приеме каждого ребенка (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 5, 10). В случаях, не терпящих отлагательств, разрешение на помещение детей в приют и назначение им кормовых денег могли дать полицмейстер г. Красноярска (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 9) или смотритель Красноярского тюремного замка (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 20; Д. 201. Л. 77).

Помещение детей в приют происходило сразу по прибытии родителей в Красноярский тюремный замок, причем их согласие на это не требовалось (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13). Согласно первой редакции Устава, в приют принимались две категории несовершеннолетних: дети подсудимых, срочных и пересыльных арестантов на время нахождения последних в тюрьмах, и сироты, оставшиеся после смерти родителей-арестантов (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6). Нижняя возрастная граница приема детей в Уставе приюта была не указана. Устав о содержащихся под стражей 1857 г. также не давал по этому поводу разъяснений (Устав..., 1857: 70-72). Однако из практики работы приюта следует, что грудных детей принимали только в случае смерти матери-арестантки либо жены арестанта (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13). В 1890 г. в новом издании Устава о содержащихся под стражей ст. 348 было определено, что помещение детей в заведения общественного призрения происходит по достижении полутора лет (Устав..., 1890: 195). Верхней же границей был обозначен возраст в 16 лет (ГАКК. Ф. 884. Оп. 1. Д. 12. Л. 2). Что касается основного числа воспитанников, то они поступали в приют в возрасте от четырех до девяти лет (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 2, 5, 9-11, 43-44, 53-55, 67; Д. 210. Л. 1-3).

Приют получил известность уже в первые годы своего существования. Это следует из отчета за 1891 г., где указано, что количество воспитанников после 1887 г. значительно выросло (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 17, 20). Кроме того, к этому моменту стало очевидно, что число категорий призреваемых детей требуется расширить. В адрес губернатора, губернского тюремного комитета и городского полицмейстера из разных частей губернии стали регулярно поступать прошения о приеме детей в приют со стороны арестантов и ссыльных, чьи семьи остались на свободе без средств к существованию (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 2, 5, 9-11, 43-44, 53-55, 67; Д. 210. Л. 1; Д. 239. Л. 1, 5; Д. 475. Л. 5). Во всех случаях по инициативе КТК проводилась проверка действительного положения вещей в семье подавшего прошение. В место проживания ссыльнопоселенца отправлялся судебный пристав, в задачу которого входила проверка сведений из прошения и, если они подтвердятся, обеспечить доставку детей в приют. Удаленность места проживания не являлась причиной для отказа

в рассмотрении прошения. Проверки приходилось проводить как в самом Красноярске, так и в его окрестностях, и даже на значительном удалении. Сохранились сведения о посещении судебными приставами с. Частоостровское, д. Зелеево, д. Чернореченской, д. Бартаг, г. Ачинска, г. Канска, с. Устьянское, расположенных в пределах от двадцати до двухсот пятидесяти верст от губернской столицы (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 36, 43, 61; Д. 475. Л. 3, 8, 26, 37).

По большей части проверки подтверждали плачевное состояние дел ссыльных и их детей принимали в приют. Но встречались и случаи отказа. По данным КТК, некоторых детей брали на попечение родственники или соседи осужденных (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 66-69). В других случаях финансы ссыльного позволяли ему содержать детей (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 475. Л. 34-37). Наконец, иногда ссыльные сами отказывались передавать детей в приют даже после получения согласия от КТК. Подобное произошло осенью 1891 г., когда жена ссыльнопоселенца из г. Ачинска Д. Самойлова обратилась с просьбой о приеме дочери 6 лет. Когда же Самойлову было объявлено положительное решение КТК, он отказался передать дочь в приют и оставил при себе (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 211. Л. 1-6). Аналогичный случай имел место в 1898 г. в деревне Куваршино Частоостровской волости с той лишь разницей, что на этот раз с прошением обратился сам ссыльнопоселенец Н. Елисеев, а передать детей в приют отказалась его жена (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 324. Л. 1-9).

В 1894 г. правлением приюта было принято решение о приеме в приют детей ссыльных, а также тех, у кого один из родителей находится в тюрьме, а оставшийся на свободе не в состоянии прокормить семью (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6). К 1896 г. практика приема в приют детей ссыльнопоселенцев получила уже такое распространение, что правление приюта направило ходатайство в Министерство внутренних дел о внесении соответствующих изменений в Устав (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). Положительное решение было принято Министерством не ранее 1899 г., т.к. в 1898 г. еще встречались случаи отказа в приеме детей ссыльнопоселенцев на том основании, что эта категория не значится в Уставе приюта (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 325. Л. 1-3).

К 1914 г. количество категорий детей, принимаемых в приют, выросло до пяти. Согласно отчету за соответствующий год, в приюте находились дети арестантов, ссыльнопоселенцев, ссыльнокааторжных, брошенные родителями и круглые сироты (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6, 8).

Каких-либо ограничений по числу призреваемых детей Уставом не вводилось, поскольку срок пребывания их колебался от нескольких месяцев до нескольких лет и зависел в первую очередь от срока наказания родителей. В разные годы общее количество детей, находившихся в приюте, составляло от тридцати до восьмидесяти человек (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 47. Л. 1; ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 22; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 8). Например, к 1 января 1895 г. в приюте состояло двадцать восемь мальчиков и девять девочек. В течение того же года прибыло девятнадцать мальчиков и двадцать девочек, а убыло двадцать восемь мальчиков и восемнадцать девочек. Таким образом, в течение года в приюте состояло семьдесят шесть воспитанников, а к 1 января 1896 г. осталось тридцать – девятнадцать мальчиков и одиннадцать девочек (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). В свою очередь, к 1 января 1914 г. в приюте состояло двадцать мальчиков и двадцать две девочки, прибыло, соответственно, шесть и десять, а убыло три и семь. Тем самым в течение года в приюте состояло пятьдесят восемь воспитанников, а к 1 января 1916 г. – сорок восемь (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 8).

Воспитанники приюта начинали получать образование с шести лет. В 1890-е гг. Закон Божий, церковно-славянский язык и священную историю им преподавал священник тюремной церкви, русский язык и арифметику – смотрительница. После подобной подготовки некоторые дети поступали в городские учебные заведения – школы, семинарии (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). Например, в 1895 г. в приюте обучалось тридцать семь человек и еще двое посещали Красноярскую учительскую семинарию (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14).

Не позднее 1910 г. Епархиальный попечительный совет открыл при Красноярском тюремном замке церковно-приходскую школу (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 47. Л. 1). По данным отчета приюта за соответствующий год, эту школу посещали двадцать восемь человек, еще два человека учились в городских школах (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 7). На расходы по ее содержанию Красноярский епархиальный училищный совет ассигновал ежегодно из своих средств 720 р. В 1914 г. в целях улучшения качества образования воспитанников приюта КТК подал в Главное тюремное управление ходатайство с просьбой о выделении из своих средств дополнительно 720 р. на те же нужды (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 57). Ходатайство было удовлетворено, но с сокращением суммы до 600 р. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 58-59).

В свободное от занятий время дети, в зависимости от возраста, обучались различным домашним и ремесленным работам. Девочки младшего возраста мыли полы, делали уборку комнат и чистили белье, более старшие дежурили на кухне и помогали кухарке с приготовлением пищи. Мальчики чистили обувь, помогали топить печи, следили за чистотой во дворе приюта. Все дети младшего возраста учились ручному, а старшие – машинному шитью белья и одежды. Кроме того, старшие девочки осваивали вязание коклюшечного кружева, а мальчики – сапожное ремесло и переплетно-картонажное дело, причем последнее – в приюте для мальчиков Синельниковского благотворительного общества (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). К 1910 гг. обучение ремеслам

происходило уже в трех мастерских, организованных при самом приюте: швейной, сапожно-башмачной и столярной (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 7; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 53; ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 47. Л. 1).

Особую гордость приюта составлял смешанный детский церковный хор, который по воскресным и праздничным дням пел при совершении литургии в Покровской церкви (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). Инициатива создания хора принадлежала смотрителю Красноярского тюремного замка А. Померанцеву. Согласно его рапорту от 3 февраля 1890 г., тюремный священник нередко сталкивался с тем, что для отправления богослужения среди арестантов не находилось людей, умевших читать по-славянски. Поэтому Померанцев рекомендовал священнику начать обучение детей церковному пению и чтению, а также привлекать к службе в церкви, что впоследствии и было сделано (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 14).

Досуг детей составляли беседы со смотрительницей на нравоучительные темы, заучивание басен и стихотворений, подготовка и проведение праздников, совместные игры. Тем, чьи родители содержались в самом тюремном замке, разрешались регулярные встречи с ними (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 12). На Рождество для детей устанавливали праздничную ель и дарили подарки – ситец на платья, конфеты и пряники, торты, елочные украшения, карамель, яблоки (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 8). В этот день их традиционно посещали члены правления и некоторые из первых лиц губернии, проживавшие в Красноярске (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 7). С 1896 г. деятельное участие в жизни приюта и общении с воспитанниками принимало вновь учрежденное Дамское отделение КТК, заботам которого было поручено физическое и нравственное состояние арестантов и их детей (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 283. Л. 2).

Распорядок дня в приюте строился следующим образом: день начинался в летом в шесть, зимой – в семь часов утра. Далее дети одевались и умывались, после чего шли в столовую для общей молитвы и около восьми часов утра пили чай. С девяти до двенадцати часов продолжалось обучение, в час воспитанники обедали. С двух до пяти часов летом и до четырех часов зимой они занимались домашними делами или освоением ремесла, а члены хора – пением. В шесть часов вечера летом и в семь часов зимой вновь проходило чаепитие, после чего часть детей готовила уроки, а остальные слушали чтение нравоучительной литературы, а также вели беседы на заданные темы. Ужин начинался в восемь часов летом и в девять зимой. День завершался общей молитвой, после чего дети ложились спать. Накануне воскресных и праздничных дней старшие воспитанники посещали всенощную службу и литургию. Зимой все дети участвовали во всенощных богослужениях, которые совершались тюремным священником на территории приюта (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14-15).

Условия проживания детей, особенно с учетом скромного финансирования приюта, были обеспечены на сравнительно высоком уровне. Каждый воспитанник имел отдельную железную кровать с подушкой и соломенным матрасом, а также три комплекта постельного белья. Помимо этого, детям выделялось по четыре комплекта нижнего и верхнего белья, а также верхняя одежда на каждый сезон. Так, осенью и весной обычно носили черные пальто из солдатского сукна, зимой – овчинные шубы или капоты из бумажной материи с подбивкой из верблюжьей шерсти. Для работы в мастерских мальчикам выдавались фартуки (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14-15).

Питание детей и служащих приюта не отличалось особенным разнообразием и строилось на основе сезонных продуктов. Меню составляли чай с молоком и пшеничным хлебом утром и вечером, обед из двух блюд и ужин из одного. Во время постов и постных дней подавались соответствующие блюда. Расходы на питание исчислялись, исходя из норм, введенных для взрослых арестантов (Устав..., 1857: 27, 30; Устав..., 1890: 182, 202). В разные годы они колебались от 3 до 9 коп. в сутки. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 20, 36; Д. 286. Л. 1, 12; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 53). К праздникам попечители приюта, а также неравнодушные горожане жертвовали в пользу приюта те или иные продукты. Например, в 1914 г. такие пожертвования составили: один пуд крупчатой муки, пятнадцать фунтов гречневой крупы, два торта, окорок баранины, а также различные сладости (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 8).

Отдельного внимания заслуживает финансирование деятельности приюта. Согласно §17 Устава, его бюджет составляли четыре статьи (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 86). Первая – проценты от капитала приюта, хранящегося в ценных бумагах и на сберегательном счете в государственном банке. Вторая – ежегодная субсидия губернского тюремного комитета. Третья – пожертвования от различных частных лиц, государственных служащих и коммерческих обществ, сделанные через подписные листы по случаю церковных праздников либо по личной инициативе. Четвертая – доходы от лотерей-аллегри, которые устраивались специально в пользу приюта. Помимо этого, периодически приюту оказывала поддержку Красноярская управа, выделяя деньги на освещение (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 16; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 9). Расходы на лечение детей, согласно ст. 180 Устава о содержащихся под стражей 1857 г., покрывались за счет средств общих экономических сумм ссыльных (Устав..., 1857: 40; ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 227).

Первоначальный капитал приюта составлял около 6 тыс. руб. Первая точная цифра встречается только в отчете за 1889 г. – 6 379 р. 19 коп. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 1). К 1896 г. он вырос уже до 15 000 руб. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 15), но далее размер его менялся лишь незначительно. К 1914 г.

он насчитывал 17 889 р. 22 коп. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 9). Основную часть капитала использовать не допускалось, а проценты были невелики и лишь в малой степени позволяли обеспечить его деятельность. Основная часть средств поступала благодаря трем остальным статьям доходов.

Субсидия КТК в пользу приюта изначально составляла 1000 р. в год. Однако данные отчетов КТК за 1890-е гг. показывают, что эта сумма могла колебаться весьма значительно, порой превышая 2 400 р. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 19-20, 160). В 1891 г. КТК впервые направил в Главное тюремное управление ходатайство об увеличении субсидии до 1 500 р. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 23). Неоднократные повторные запросы наконец привели к тому, что в 1903 г. было получено разрешение увеличить субсидию до 1 500 р. (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 47. Л. 1). В период 1900–1915 гг. с учетом надбавок она составляла от 1 525 до 1 780 р. в год (ГАКК. Ф. 884. Оп. 1. Д. 12. Л. 21; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2866. Л. 5; Д. 4072. Л. 23; Д. 4677. Л. 16). При этом в отдельные годы средства на содержание приюта могли вообще не выделяться. Подобное имело место в 1894–1895 гг. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 274. Л. 12-14) и в 1906–1907 гг. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2866. Л. 5). Каких-либо объяснений по этому поводу в архивах нет.

Пожертвования в пользу приюта поступали двумя путями. Во-первых, каждый год в связи с праздниками Рождества Христова и Пасхи выпускались подписные листы. Число жертвователей составляло от ста пятидесяти до двухсот двадцати человек. Размеры пожертвований от года к году колебались незначительно. Так, к Рождеству в 1891 г. было пожертвовано 349 р. 20 коп., на Пасху – 346 р. 75 коп.; в 1892 г. – соответственно 341 р. 95 коп. и 256 р. 69 коп.; в 1895 г. – 341 р. 96 коп. и 261 р. 20 коп.; в 1897 г. – 363 р. 60 коп. и 150 р. 20 коп. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 174. Л. 57, 59, 61; Д. 201. Л. 38-42, 61; Д. 286. Л. 1-68; Д. 300. Л. 4-6).

Во-вторых, время от времени пожертвования от жителей губернии поступали в приют, не будучи приурочены к какой-либо конкретной дате. Объемы подобных поступлений обычно были невелики и насчитывали не более 15-25 рублей в год (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 228; Д. 335. Л. 40). Здесь стоит упомянуть случай, относящийся к 1891 г. Вице-президент губернского тюремного комитета С.П. Долинский, состоявший в правлении приюта, сочинил музыкальное произведение и организовал продажу двадцати пяти экземпляров. Было выручено 7 р. 50 коп., которые поступили в пользу приюта (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 231). В целом пожертвования могли составлять около 1 000-1 300 р. в год. Например, в 1890 г. в пользу приюта поступило суммарно 1 396 р. 33 коп. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 20).

Что касается лотереи-аллегри в пользу приюта, то в соответствии с §7 Устава приюта она проводилась под эгидой КТК почти каждый год. Традиционная сумма составляла 1 500 р., но реальные сборы обычно превышали эту цифру. Так, в 1891 г. по итогам лотереи было собрано 2 072 р. 81 коп., а в 1898 г. – 1 745 р. 98 коп. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 23, 57; Д. 335. Л. 5, 14).

Финансовая история приюта, рассмотренная выше достаточно подробно, свидетельствует о постепенном повышении его благосостояния. Впрочем, к началу Первой мировой войны г. баланс едва превышал 17 000 р. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 9). Для сравнения, сиропитательный дом им. Т.В. Щеголевой, основанный в 1894 году, обладал уставным капиталом в 50 000 р. (Колокольникова и др., 2014: 18). Вдобавок постоянно растущие потребности регулярно приводили к тому, что приют оказывался в значительных долгах (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 160). Так, в 1914 г. долг магазинам Гадалова и Савельева составил суммарно 481 р. 52 коп. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 9).

Сложное финансовое положение дел приюта неизменно обращало на себя внимание властей. Например, в 1891 г. КТК обращался в Главное тюремное управление с просьбой об увеличении пособия на нужды приюта с 1 000 до 1 500 р. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 23). В конечном итоге пособие увеличили только десять лет спустя. Еще один подобный случай относится к 1914 г.: Енисейский губернатор направил в столицу письмо с просьбой ради улучшения условий содержания детей в приюте увеличить ежегодное пособие приюту с 1 500 до 3 000 р., т.к. военные действия резко сократили поступления от пожертвований (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 53). Уже в декабре 1914 г. президент попечительного общества о тюрьмах в виде исключения разрешил выделить из средств КТК 2 500 р. на содержание приюта в 1915 г. Было также рекомендовано принять меры к открытию в Красноярске общества патроната, которое приняло бы на себя заботу о приюте (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Д. 55). Попытки начать работу общества предпринимались еще в 1910 г., но не увенчались успехом (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 455. Л. 1-8).

5. Заключение

Создание приюта для арестантских детей в Красноярске позволило в значительной степени решить многолетнюю проблему с размещением детей срочных и пересыльных арестантов в Енисейской губернии. Открытие данного учреждения было тем более необходимо, что состояние тюремного замка и пересыльной тюрьмы не соответствовало требованиям содержания не только детей, но даже взрослых арестантов. Последнее неоднократно отмечали и ревизоры тюремного ведомства, и чиновники губернского тюремного комитета. Деятельность приюта своим успехом была обязана во многом активной работе правления и попечительского совета, в которых состояли первые лица Енисейской губернии. Последние регулярно осведомлялись о состоянии дел учреждения,

посещали его и следили за судьбой отдельных воспитанников. Особое внимание уделялось и состоянию финансов. Прекрасно понимая их ограниченность, енисейские чиновники во главе с губернатором постоянно вели диалог с вышестоящими властями по поводу увеличения субсидий для приюта, организовывали лотереи и пожертвования в его пользу. Учитывая, что приют для арестантских детей был лишь одним из нескольких приютов в небольшом по численности населения Красноярске, столь пристальное внимание к нему со стороны местных властей являлось показателем его значимости в социальной жизни города. Как свидетельствуют архивные данные дореволюционного периода, приют действовал вплоть до 1917 г. Дальнейшая же его история все еще ждет изучения.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>, Красноярского краевого фонда науки.

Литература

Асочаков, Катцина, 2004 – Асочаков А.С., Катцина Т.А. Специфика управления приказами общественного призрения в Восточной Сибири (последняя четверть XVIII – конец XIX вв.) / *История, культура, общество: Материалы Всерос. заочной науч. конф.* Красноярск, 2004.

Бибикова, 2004 – Бибикова В.В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. Красноярск, 2004. 210 с.

Власов, 2001 – Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. 443 с.

Гаврилина, 2010 – Гаврилина Н.А. Законодательное регулирование социального призрения в России в XVI–XIX вв. // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2010. № 2. С. 66–74.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гернет, 1961 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. 430 с.

Гернет, 1962 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962. 302 с.

Детские приюты, 1889 – Детские приюты ведомства учреждений Императрицы Марии (1839–1889). К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских приютах 27 дек. 1839 года. СПб., 1889. 391 с.

История Сибири..., 1968 – История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3.: Сибирь в эпоху капитализма. 529 с.

Казаченок, 2018 – Казаченок В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* 2018. № 1(31). С. 12–17.

Казаченок, 2020 – Казаченок В.В. Правовое регулирование и организация деятельности пенитенциарной системы Российской империи (на примере Казанской губернии). М., 2020. 174 с.

Карчаева, Малафеев, 2020 – Карчаева Т.Г., Малафеев А.В. К вопросу о состоянии тюремных учреждений города Красноярска Енисейской губернии (по материалам служебной переписки местных чиновников) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ.* 2020. № 2. С. 172–179.

Катцина, 2018 – Катцина Т.А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.). Красноярск, 2018. 199 с.

Катцина, 2020 – Катцина Т.А. Исправительно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних в Сибири в 1890–1940-е гг.: организационный, правовой, педагогический аспекты. Э. Красноярск, 2020. 194 с.

Колокольникова и др., 2014 – Колокольникова З.У., Лобанова О.Б., Пономарева Е.А. Трудовое воспитание детей-сирот в учреждениях общественного призрения в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // *Вестник ТППУ.* 2014. № 3 (144). С. 16–21.

Мешалкин, 1995 – Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX вв. Красноярск, 1995. 160 с.

Обзор..., 1889 – Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления. 1879–1889. СПб., 1889. 196 с.

Устав..., 1857 – Устав о содержащихся под стражею. Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857. 168 с.

Устав..., 1890 – Устав о содержащихся под стражею. Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1890. С. 148–227.

Яблоков, 1901 – Яблоков Н.В. Призрение детей в Воспитательных домах. СПб., 1901. 71 с.

References

Asochakov, Kattsina, 2004 – Asochakov, A.S., Kattsina, T.A. (2004). Spetsifika upravleniya prikazami obshchestvennogo prizreniyav Vostochnoi Sibiri (poslednaya chetvert XVIII – konets XIX vv.) [The Specifics

of Management by the Prikazes of Public Welfare in Eastern Siberia (Last Quarter of the 18th – Late 19th Centuries)]. *Istoriya, kul'tura, obshchestvo: Materialy Vseros. zaochnoi nauch. konf.* Krasnoyarsk. P. 31. [in Russian]

[Bibikova, 2004](#) – *Bibikova, V.V.* (2004). Rol' chastnoj i obshchestvennoi initsiativy v razvitií obrazovaniya v Eniseyskoi gubernii v XIX – nachale XXv. [The role of private and public initiative in the development of education in the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk, 210 p. [in Russian]

[Detskiye priyuty, 1889](#) – Detskiye priyuty vedomstva uchrezhdenii imperatritsy Marii (1839–1889). Kpatidesyatiletiiyu so vremeni izdaniy Polozheniya o detskih priyutakh 27 dek. 1839 goda [Children's Asylums of the Institution of the Empress Maria (1839–1889). For the fiftieth anniversary of the publication of the Statute on children's asylums, 27th Dec. 1839]. SPb., 1889. 391 p. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk krai].

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federacii [State Archive of the Russian Federation].

[Gavrilina, 2010](#) – *Gavrilina, N.A.* (2010). Zakonodatelnoe regulirovaniye cotsialnogo prizreniya v Rossii v XVI-XIX vv. [Legislative regulation of social care in Russia in the XVI-XIX centuries]. *Izvestiya TulGU*. 2: 66-74. [in Russian]

[Gernet, 1961](#) – *Gernet, M.N.* (1961). Istoriya tsarskoi turmy [History of the Tsarist Prison]. V. 3. M., 430 p. [in Russian]

[Gernet, 1962](#) – *Gernet, M.N.* (1962). Istoriya tsarskoi turmy [History of the Tsarist Prison]. V. 4. M., 302 p. [in Russian]

[Istoriya Sibiri..., 1968](#) – Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dhei [History of Siberia from ancient times to the present]. L., 1968. V. 3.: Sibir v epokhy kapitalizma, 529 p. [in Russian]

[Karchaeva, Malafeev, 2020](#) – *Karchaeva, T.G., Malafeev, A.V.* (2020). K voprosu o sostoyanii turemnykh uchrezhdenii Eniseyskoi gubernii (po materialam sluzhebnoi perepiski mestnykh chinovnikov) [On the Condition of Prisons in Krasnoyarsk, Yenisei Province (based on official correspondence of local officials)]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 2:172-179. [in Russian]

[Kattsina, 2018](#) – *Kattsina, T.A.* (2018). Obshchestvennoye prizreniye i blagotvoritelnost v Eniseyskoy gubernii (1822–1917) [Public Welfare and Charity in the Yenisei Province (1822–1917)]. Krasnoyarsk, 199 p. [in Russian]

[Kattsina, 2020](#) – *Kattsina, T.A.* (2020). Ispravitelno-vospitatelnyye uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnykh v Sibiri v 1890–1940-e gg.: organizatsionnyi, pravovoi, pedagogicheskii aspekty [Correctional Facilities for Juveniles in Siberia in the 1890–1940s: Organizational, Legal, and Pedagogical Aspects]. Krasnoyarsk, 1940 p. [in Russian]

[Kazachenok, 2018](#) – *Kazachenok, V.V.* (2018). Organizatsionno-pravovyye osnovy deatelnosti penitentsiarnykh organov i uchrezhdenii v sisteme Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Imperii [Organizational and legal basics of the penitentiary bodies and institutions in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1(31): 12-17. [in Russian]

[Kazachenok, 2020](#) – *Kazachenok, V.V.* (2020). Pravovoe regulirovaniye i organizatsiya deyatelnosti penitentsiarnoy sistemy Rossiiskoi imperii (na primere Kazanskoi gubernii) [Legal regulation and organization of the penitentiary system of the Russian Empire (on the example of the Kazan Province)]. M., 174 p. [in Russian]

[Kolokolnikova i dr., 2014](#) – *Kolokolnikova, Z.U., Lobanova, O.B., Ponomareva, E.A.* (2014). Trudovoye vospitaniye detei-sirot v uchrezhdeniyakh obshchestvennogo prizreniya v Eniseyskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Labor education of orphans in institutions of public charity in the Yenisei Province in the late XIX – early XX century]. *Vestnik TGPU*. 3(144): 16-21. [in Russian]

[Meshalkin, 1995](#) – *Meshalkin, P.N.* (1995). Metsenatstvo i blagotvoritelnost sibirskikh kuptsov-predprinimatelei. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Philanthropy and charity of Siberian merchants-entrepreneurs. The second half of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Krasnoyarsk, 160 p. [in Russian]

[Obzor deyatelnosti, 1889](#) – Obzor desyatiletnei deyatelnosti Glavnogo tyuremnogo upravleniya [A Ten-Year Review of the Main Prison Directorate]. 1879–1889. SPb., 1889. 196 p. [in Russian]

[Ustav..., 1857](#) – Ustav o soderzhashchikhsya pod strazheyu. Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Statute on prisoners in custody. Code of Laws of the Russian Empire]. V. XIV. SPb., 1857. 168 p. [in Russian]

[Ustav..., 1890](#) – Ustav o soderzhashchikhsya pod strazheyu. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. V. XIV. SPb., 1890, pp. 148-227. [in Russian]

[Vlasov, 2001](#) – *Vlasov, V.P.* (2001). Blagotvoritelnost i miloserdie v Rossii [Charity and Mercy in Russia]. M., 443 p. [in Russian]

[Yablokov, 1901](#) – *Yablokov, N.V.* (1901). Prozreniye detei v vospitatelnykh domakh [Care for children in foster homes]. SPb., 71 p. [in Russian]

Организация деятельности детских приютов при пенитенциарных учреждениях Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Красноярского приюта для арестантских детей)

Павел Валерьевич Лапо ^{a, *}, Татьяна Анатольевна Катцина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Детские приюты играли важную роль в организации социальной помощи осужденным и их семьям во второй половине XIX – начале XX вв. При этом к середине 1880-х гг. подавляющее большинство таких учреждений находилось на территории европейской части России. В то же время на территории Сибири возможности для размещения и воспитания детей арестантов за пределами тюрем были крайне ограничены. Поэтому открытие в 1886 г. по инициативе Красноярского губернского тюремного комитета приюта для арестантских детей при местном тюремном замке стало важным событием для региона. На основе анализа обширных архивных данных автор воссоздает картину жизни и деятельности приюта. Один за другим подробно рассматриваются вопросы управления, взаимоотношений с городскими и губернскими властями, организации приема детей, образовательного и воспитательного процессов, досуга воспитанников приюта. Особое место в рамках исследования занимает проблема финансирования приюта. Статистические данные позволяют говорить о постепенном повышении его благосостояния с 7 тыс. руб. в 1886 до 24 тыс. руб. в 1915 гг. Однако в целом ресурсы учреждения оставались довольно скромными, особенно по сравнению, например, с сиропитательным домом им. Т.И. Щеголевой, который обладал уставным капиталом в 50 тыс. руб. Несмотря на это, приют в полной мере выполнял свои функции, принимая на воспитание ежегодно около сотни детей. Благодаря этому он сыграл важную роль в организации социальной помощи в пенитенциарных учреждениях Сибири в дореволюционный период.

Ключевые слова: Красноярский приют для арестантских детей, Красноярский тюремный замок, сироты, дети арестантов, социальная помощь, Енисейская губерния.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: plapo@sfu-kras.ru (П.В. Лапо)